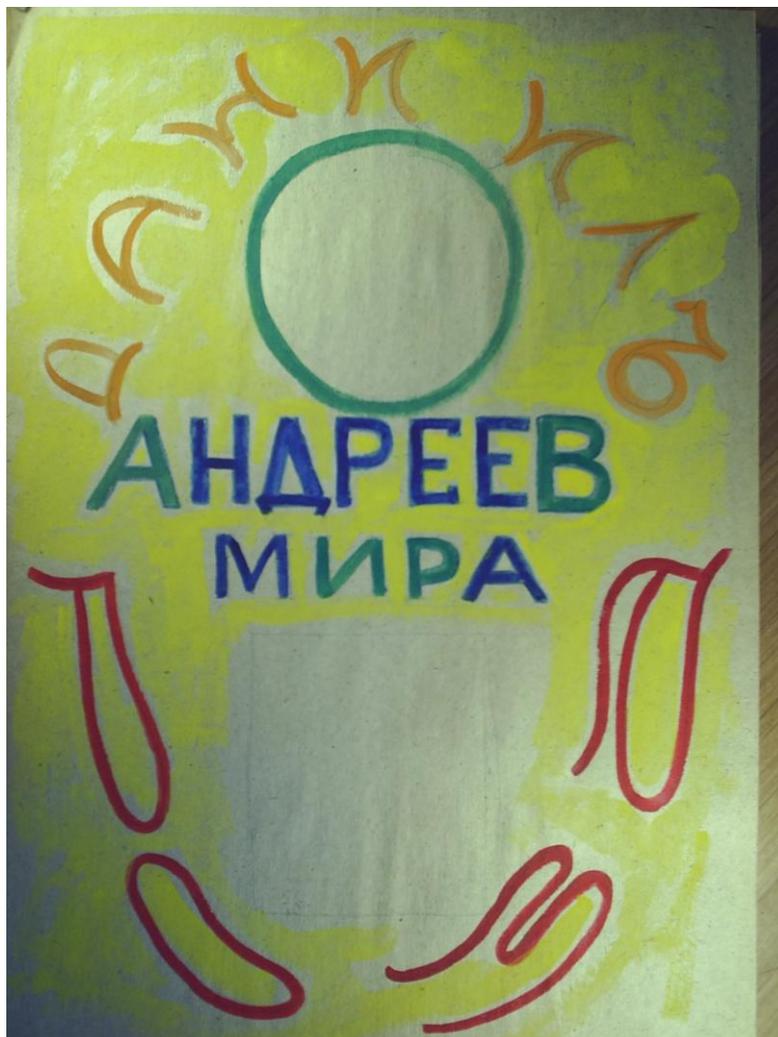
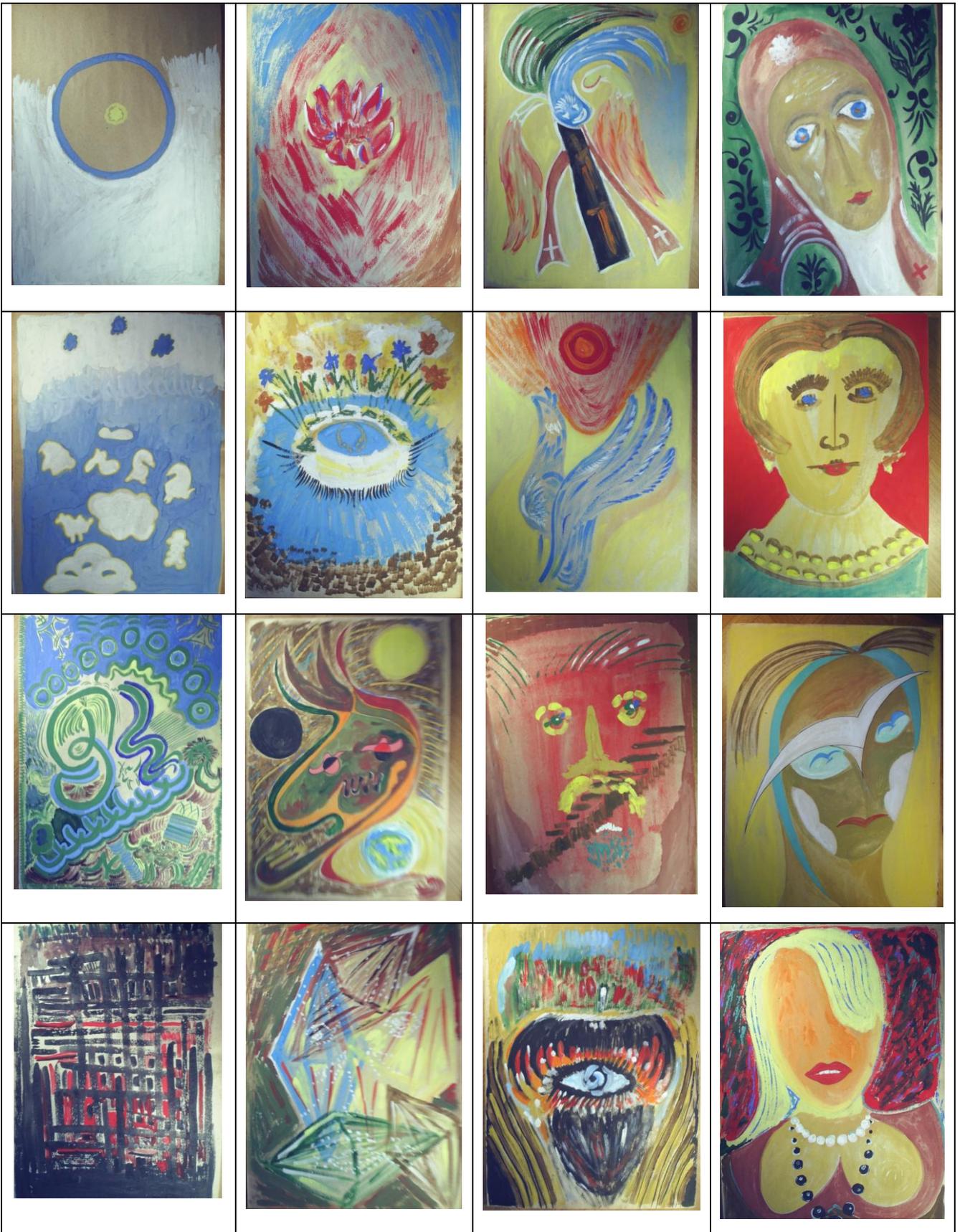

Девиз: Иван Архангельский

**ФИЛОСОФИЯ ВЕЗДЕ-ВЕЧНОСТИ
В МИРОПОСТРОЕНИЯХ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА:
ИЗОФИЛОСОФСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

ФИЛОСОФИЯ ВЕЗДЕ-ВЕЧНОСТИ
В МИРОПОСТРОЕНИЯХ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА:
ИЗОФИЛОСОФСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В Генуе, в палаццо дожей
Есть старинные картины,
на которых странно схожи
с лебедями бригантини.

Возле них, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры
Все ведут между собою
Вековые разговоры.

С блеском глаз, с усмешкой важной,
Как живые, неживые...
От залива ветер влажный
Спутал бороды седые.

Миг один, и будет чудо;
Вот один из них, смелея,
Спросит: «Вы, синьор, откуда,
Из Ливорно иль Пирея?»

Если будете в Брабанте,
Там мой брат торгует летом,
Отвезите бочку кьянти
От меня ему с приветом».

Н. Гумилев

Преамбула

В истории мировой философии так сложилось, что философская система практически всегда вырастает из одного понятия-представления, которое превращается в категорию, а иногда становится и *метакатегорией*, распаковывание которой приводит к рождению философии как экспликации личностно-персоналистического бытия. «Атом», «эйдос», «субстанция», «материя», «универсум», - все это метакатегории, которые переполняют чашу человеческой субъективности в её индивидуальном и общественном выражении.

В русской философии к таким метафилософским категориям относятся «троичность», «соборность», «всеединство», «пневмосфера», «ноосфера». Последние понятия уже предполагают дуальную нерасчлененность: «все-единство», «пневма-то-сфера», «ноо-сфера», а это, в свою очередь, ведет к появлению дуальной разделённости – своеобразному почкованию, с которого начинается рост древа философской теории. «Единое целое», о котором размышлял М. М. Пришвин, похоже на пантономию Х. Ортега-и-Гассета, но это «единое целое» не калька с пантономии, а форма особого гео-мышления, порожденного евразийским (предглобальным) бытием. (Не будем забывать о поразительной похожести русскости и испанскости в формах философского, в том числе и изофилософского, мышления).

В русской литературе изодополнительность практически всегда обязательна: изо-Пушкин не менее гениален, чем лого-Пушкин именно потому, что эйдос для «человека понимающего» предстает и как изо-логос.

Иногда получается наоборот: система философии есть, а экспликация метакатегории не столько задерживается, сколько находится в пренатальном философском состоянии: мифологические и изо-художественные смыслы преобладают. С мифофилософией Д. Л. Андреева произошла именно такая философская метаморфоза: «Роза Мира» - это исходная синкретическая метакатегория, из которой выросла мифо-миро-философская система. Философская изо-художественность своей полнотой порождает сложнейшую семиотическую мировость (безо всякого сомнения похожую на изофилософские системы Павла Филонова) в ее вербальном выражении.

Из огромной Духовной Вселенной Д. Андреева родилась метакатегория «Роза Мира» - своеобразная «стоячая волна» сознания-Разума, присутствующая в мире как *вечная голограмма*, по своей природе творимая наподобие древних мифов и мировых религий.

Одной из неэксцентрированных сторон «Розы Мира» и является *езде-вечность*, генетически неотделимая от порожденной человеком и человечеством многообразности культурного со-бытия и все-бытия.

Рожденный в писательской ауре, но не имеющий возможности в послереволюционное время реализовать себя как свободный в публикациях мастер, Д. Андреев кристаллизовался в метафилософа и метакультуролога: он не стал традиционным богословом по причине желания присутствовать в этом мире, подталкивая по мере сил и возможностей его эволюцию к Розе Мира. В этом смысле Д. Андреев похож (в том числе и внешне) на П. Тейяра де Шардена, усмотревшего в Универсуме движение к точке Омега (последняя буква греческого алфавита « ω » внешне неуловимо похожа на розу).

Правополушарный мир репрезентации Розы Мира оказался в чем-то скрытым от потомков, но он существует и живет голографически – в яви и нави.

Андреевская культ-ур-о-фило-софия – особое духовное явление, вплетающееся в философию Мирового Древа, которая как форма *«человеческой езде-вечности»* представлена Розой Мира. Она удивительно похожа на рериховскую традицию описания (писания и рисования) космо-земного всечеловеческого миро-бытия, и свидетельствует о том, в XX веке русские мыслители «в интеллектуальном подполье» создавали образы «синтетической миро-философии», вне которых не мыслимо сознание человечества в третьем тысячелетии.

Творчество Д. Л. Андреева очень точно и полно показывает пути развития современной российской философии, в форме *«розамирной»* философии, генетически близкой современным моделям ноосферной и пневмосферной философии.

«Езде-вечность» как метакатегория

В XX веке главным открытием экзистенциальной философской антропологии стало явление, получившее название «здесь и сейчас» (очевидно более точно было бы написать «здесь-и-сейчас»). «Железный век» иначе и не оставлял для человеческого бытия «времени и места»: войны и революции исключали возможность для медленного бытия – ускорение социального и техногенного времени элиминировало человека из планетарного потока вещества и энергии. Лишь с середины XX века ежесекундное ощущение ядерного небытия перестало заставлять человека формулой «ничтожности», на ее место в обществе потребления пришла формула «ничтожности»: в мире не существует ничего (кроме вещества, энергии и информации). Всеобщая вселенская онтология привела к

аннигиляции человека. Такие повороты всемирной истории неизбежны и даже закономерны: помимо «осевых эпох» имеют место и «косевые эпохи», причем последние были чаще и дольше, ибо разум социума просыпается и «собирается» не часто, хотя и регулярно.

Впрочем, в мировой культуре последнего столетия тотальная парадигма «здесь и сейчас» никогда не оставалась в одиночестве: её неперемнная невидимая тень – парадигма «везде-вечности» - касалась немногочисленной группы населения (человечества), которую обычно называют интеллигенцией. «Мировая интеллигенция» не только живет в везде-вечности, но и творит везде-вечность в ее реальных и виртуальных форматах. В этом смысле применительно к Д. Л. Андрееву можно было бы сказать, что он *Магистр Везде-Вечности*.

Метакатегория «везде-вечность» обладает в русском языке достаточной полисемантической: во-первых, транскрипция «в-езде-вечность» задает динамический смысл человеческого и социального бытия, во-вторых, речёвость «везде-веч(е)-ность» порождает коннотативность «веко(око)-вечности» («вековое вече» как неотъемлемое развивающее роды человечества социально-коммуникативное и общественно-коммуникативное действие), в-третьих, глагольность «везд-е-вечность» говорит о праксиологической природе непривычного «звуко-словия».

Сама же Везде-Вечность предстает как ипостась фундаментальной онтологии – всеобъемлющей манеры вселенской сопричастности, выражаемой в религиоме «С нами Бог».

В метакатегории «Везде-Вечность» усматривается еще один, но очень существенный, аспект, она - *арка между мифо-религиозным и мифо-философским сознанием*.

В *философской антропологии* «везде-вечность» отражает вселенскую полноту богочеловеческой природы (которая лишь отчасти прикасается к антропологическому принципу в его сильной и слабой формулировках); в *гносеологии* «везде-вечность» утверждает истину как полноту единого человеческого бытия и всемирной человеческой (ноосферной) истории, везде-вечность познания столь же убедительна, сколь соответствует природе человека в её вселенско-голографической проявленности. *Философия ценности* (аксиология), как и философия ценностей, предполагает (как может показаться) противоположность и даже дихотомичность категориальных «здесь-и-сейчас» и «везде-вечность», но это лишь на первый взгляд: «везде-вечность» не диадна и не триадна, она монистична, но монистична в сильном синтезе полиплюрализма.

В конечном итоге «Везде-Вечность» выражает взаимосвязь сложно соприкасающихся сущностей сферно-философского мышления – метакатегорий «духосфера», «пневматосфера», «идеальносфера», «психосфера», «софосфера», «нусосфера», «ноосфера». Кругами Эйлера и даже кругами Фробениуса невозможно объяснить их со-пере-сечения, и только *методология организованности сфер* позволяет в какой-то мере понять как устроена «Роза Мира».

Можно подумать, что «Роза Мира» - не сферная «конструкция», ибо она описывается Д. Андреевым в категориях «уровни» и «слои»: может показаться, что перед нами «христианская лествичность», но при внимательном рассмотрении мы обнаружим *лотосность Розы Мира*: её слои – это лепестковые формы. А раз так, то перед нами метасферная изоформа: каждый лепесток представляет собой «былую сферу», ибо в бутоне нераскрывшегося цветка они все представляют собой своеобразные «со-сферы» (или «ко-сферности»).

Именно так из точки сингулярности (а каждый человек представляет собой такую точку сингулярности) раскрывается «музыка сфер» человеческого, все-человеческого и Бого-человеческого бытия.

Человек предстает, таким образом, полно выраженной везде-вечностью, причем не только в биосферно-ноосферной, но и во вселенской ипостасях. Д. Андреев раскрывает *везде-вечное всеединство* биосферной, мифосферной, теосферной, культуросферной, социосферной, ноосферной ипостасей не только в тексто-содержательной, но и в главо-структурной устроенностях «Розы Мира».

Современная философия дает возможность для значительно большего количества интерпретаций Везде-Вечности, хотя архетипы (эйдосы коллективного бессознательного), может быть, более всего адекватны для осуществления репрезентаций ее модусов. Так порождаются изобразительные формы миров Розы Мира и вселенской пневматосферной истории.

Антропологические формы рождения везде-вечности

В интеллектуальной истории России есть удивительные параллели. Н. А. Морозов просидел в царской тюрьме четверть века в одиночной камере, такой же срок был отмерен и Даниилу Андрееву уже в эпоху сталинской тирании. «Одиночные камеры» как способ организации духовного и интеллектуального труда – институциональное явление весьма характерное для российской (и не только российской) истории. Так писал свои письма протопоп Аввакум, свой знаменитый роман «Что делать?» Н.Г.Чернышевский, свой

научный труд «Развитие капитализма в России» В. И. Ульянов, еще более жестокую школу «бескорыстного духовного производства» прошли Л. Н. Гумилев, А. Ф. Лосев, Д. Л. Андреев и многие другие.

В эпохи идеологической диктатуры был и другой – не интернальный, а экстернальный - способ актуализации и интенсификации духовного труда: эмиграция как способ осуществления духовного производства была порождена царским временем (вслед за Андреем Курбским эту институциональную форму высвобождения духовности опробовали и Герцен, и Плеханов, и Кропоткин), а в эпоху строительства социалистического общества был рожден «зеркальный вариант» царской модели самосохранения – организованная высылка на «философских пароходах» и «философских самолетах». Отлучение от Родины (как можно видеть на опыте «старовера» А. А. Зиновьева) рождает мощный пассионарно-интеллектуальный посыл. Философия духовно-интеллектуального труда (духовного производства) как важная предметная область теории интеллектуальной (и, шире, ноосферной) истории еще только начинает развиваться.

Н. А. Морозов за 25 лет одиночного заключения создал версии «научного» понимания Евангельской истории, Д. Л. Андреев за вдвое меньший срок создал эйдосно-синергичную метатеорию всемирной общечеловеческой культуры. Платоновская Гиперурания приобрела особые формы в лоне русской культуры. Д. Л. Андреев создал особое мифологическое пространство соприкосновения вселенских сущностей, нашедших во второй половине XX века воплощение в ноосферологии (главы, посвященные вопросам биоэтики и нооэтики) и глобалистики (вопросы метаистории и создания мирового правительства и интеррелигии)

Жизнь в пневмосфере: универсумное сознание Д. Л. Андреева

Откровение пневмосферы пришло к П. А. Флоренскому во время его «соловецкого сидения», думается, что иначе это и не было бы возможным. Павел Александрович, очевидно, был не менее глубоким визионером, чем сам Даниил Андреев, вживание в духовную (а не только материальную) среду Соловецкого монастыря, когда там еще была жива многовековая аура духовно-исторического бытия, закодированная не только в визуальных формах, но и в формах ауры-виртуальных, считывалась великим семиотиком, что в конечном итоге и породило в его сознании своеобразный пневмосферно-пневмософский дискурс.

Геномы старорусской культуры и культурности, заложенные историей России (может быть, прежде всего, явленные XIX веком) проросли в необычайно трудных, почти нечеловеческих условиях, что лишний раз доказывает правоту размышлений В. И. Вернадского о силе и мощи культурной биогеохимической энергии, таящейся в ноосфере и творящей ноосферу.

Д. Л. Андреев прожил в заточении во владимирской тюрьме время своего поликонфессионального и поликультурного монашества в особой пневмосфере, она отличается от того духовно-религиозного ландшафта, в котором выросли и произрастали духовно-флористические формы мышления Павла Александровича Флоренского, прежде всего «универсальным модернизмом».

В этом смысле культурная онтологизация пневмосферных влияний и веяний все более обретала универсумно-ноосферные мысле-формы. Изучение творчества Д. Андреева дает нам возможность увидеть конкретные исторические факты пребывания человека на гранях ноосферы и пневмосферы, что, по большому счету, возможно лишь либо в религиозном, либо в культурологическом дискурсе.

Универсумное бытие философа – тяжелая ноша, которая больше похожа на вериги. Х. Ортега-и-Гассет писал, что «философ – специалист по универсумам», но Д. Андреев представил в «Розе мира» универсум универсумов, т. е. такое единое целое мира, которое становится более понятным человеку, вошедшему во вселенскую историю III тысячелетия. Д. Андреев – философ универсумный, что очень хорошо видно, когда он показывает неразрывное единство материальных, иноматериальных и духовных слоев Мира. Философская универсумность неотъемлема от провозглашаемого Д. Андреева метареализма: искусство будущего «мужественное своим бесстрашием и женственное своим любвеобилием, мудрое сочетание радости и нежности к людям и к миру с зорким познанием его темных глубин, можно было бы назвать сквозящим реализмом или метареализмом» [с. 22].

Современная гуманитарная мысль общественными и властными влияниями подталкивается в основном к анализу жизни на стыках биосферы и техносферы, техносферы и социосферы, но Даниил Андреев нарисовал вселенскую картину мира, в которой совершается передача «культурной эстафеты» от века XIX к веку XXI, от первого тысячелетия к третьемутысячелетию.

«Дорожная карта» Розы Мира: герметическая традиция

Гермы – путевые камни, мир земной и сейчас, в век маршрутизаторов, требует знание этих камней, которые ведут в нужном направлении, еще более сложные карты требуются для передвижения по миру метаземному и по миру духовному, миру ноосферному. Даниил Андреев совершил открытие герметических карт и картин духовного мира культуры человечества. Можно было бы сказать, что он стал для современного человека Колумбом духовной метареальности и человеческой парареальности.

Он исследовал шаг за шагом сад духовности, который постепенно прорастает и открывается современному человечеству, он обнаружил пространство, в котором цветут все цветы: благоухающие цветы света и источающие цветы тьмы. В этом саду нашлось место и «Анчару» Пушкина, и гераням Островского, и сиреням Кончаловского, и розам Тургенева.

Роза мира в саду цветов человеческого духа - как «аленький цветочек» – предельна мифологична и эстетична, ее глубинные смыслы узреваемы в значительной степени только методами изофилософствования, того художественного философского мышления, которое проявилось не только в творчестве духа, но и творчестве жизни.

«Принцип подобия» в герметизме не первый, но самый востребованный для понимания сущностей Вселенной сада, в котором рано или поздно - в процессе долгой и сложной эволюции - вырастает Роза Мира.

Изофилософский герметизм в современном сознании человечества в значительной степени оттеснен на обочины жизни утилитарным позитивизмом, но это в значительной степени – закон биосферы, в которой пространство пустоты и пустынности занимают сорняки: сорняки духа плодятся с необычайной силой как только ослабевают человеческая культурная биогеохимическая энергия, энергия, порожденная человеческой мыслью, которая в свою очередь порождается восхищенной Вселенной.

«Роза Мира» как гармония человечества, живущего в ноосфере, - это манок и маяк, требующие внимательного слушания и зоркого видения. На мачтах корабля, которым плыл по океану духа Даниил Андреев, в жестокий шторм XX века, он смог разглядеть огни будущего – третьего тысячелетия, которое станет временем преодоления механической железности, но обретет качество цветочной органичности бытия.

Специфика «лепесткового мышления»: одно окно и два мира

Вселенскую метаисторическую мифо-миро-логию Д. Л. Андреев ощутил и сочинил в камере Владимирской тюрьмы. Из окна своего закрытого бытия, из платоновской пещеры он видел два платоновских мира – один из них – солнечно-световой вселенский, другой - теневой (лунарный, подлунный) мир планетарно-человеческого бытия. Сейчас бы это назвали дополнительностью реальной и виртуальной действительности.

Вселенская лепестковая миро-сферософия Д. Л. Андреева предельно оригинальна и беспредельна сложна: сложность Шаданакара, включающего более 240 разноматериальных и духовных слоев, дает понять, насколько сложно мировидение и миропостроение русского вестника, показавшего как на стыке философско-культурологических конструкций рождаются самые сложные противоречия и конфликты, которые определяют будущее в третьем тысячелетии.

Софийная картография складывалась и развивалась на протяжении нескольких тысячелетий, начало ей положил Гермес Трисмегист, Библия раскрыла ее вселенскую масштабность, а Данте ведомый Вергилием, пожалуй, впервые прошел по кругам и сферам Всебытия. Рождение феномена «вселенского чувства» везде-вечности – великое открытие философии и культурологии русского космизма. Даниил Андреев в архитектонике (сверхсистеме) русского космизма реально занимает, может быть, самое высокое место – место пирамидиона, вершинного камня пирамиды. Не случайно, его визионерское сочинительство питали языческо-христианские свято-владимирские пневмосферные токи.

Мировая культурная коэволюция и общедуховный синтез: изофилософский дискурс

Самое главное откровение, которое Д. Андреев оставил третьему тысячелетию – тысячелетию всеобщего синтеза – это форма возможной культурной коэволюции мирового религиозного сознания. Решение этой задачи в данных социальных условиях культурной разобщенности и нетерпимости даже не стоит на современной повестке дня, но уже скоро придет время, когда живое религиозное сознание станет самым важным способом выживания человечества перед лицом очередного «конца света». Вот тогда всеобщий синтез религиозной, философской, научной и художественной духовности станет фактором гораздо более значимым, чем совершенствование форм материального существования и сосуществования в условиях перенаселенной планеты.

У Д. Л. Андреева есть поразительно глубокие размышления об образно-живописной составляющей метаистории, которую в полной мере можно было бы назвать

эйдосной метаисторией. Весьма интересно как он объясняет взаимосвязь образов, созданных человеком и живущих в других сферах. «Большинство живописных и скульптурных портретов, созданных в нашем мире, метапрообразов лишены: это - портреты людей, не более. Но такие произведения, как например, Джоконда, кроме своего человеческого прототипа, связаны именно с прообразами из Жерама, постигнутыми интуицией гения. Отсюда необычайная значительность этих шедевров и сила их воздействия... » [с. 70] Такого рода выходы энрофного бытия на другие уровни, связанные с метаисторией, свидетельствуют о выраженных формах везде-вечности. (В этой связи великая сказочная онтология дает представление о том, как наряду с энрофной жизнью соседствует жизнь «за окном», «за дверью» или жизнь в «зазеркалье».)

Метаисторический взгляд на историю представлен не только в формах взаимосвязи мастера и созданного им образа, но также и ушедшего из Энрофа художника и продолжающего жить образа. Иногда эти соотношения оказываются очень трагичными: «Еще хуже с «Поверженным Демоном» Врубеля – поразительнейшим, уникальным случаем демонического инфрапортрета. Для развязывания этого узла Врубель вынужден был спускаться в Гашшарву, к ангелам мрака. Страшно выговорить, но, может быть, было бы лучше, несмотря на гениальность этого творения, если бы оно погибло в Энрофе» [с. 70].

Насколько сложно взаимодействие истории и метаистории в творчестве Д. Л. Андреева дает понять изосемиотика Розы мира. Одна из самых значимых особенностей «Розы мира» ее удивительная изо-образность: эстетико-художественная содержательность проявляется не только в красоте слов и имен, но и в имплицитной визуализации слойно-сферного мира. Изосмыслы проистекают в значительной степени из буквенной изобразительности, которая порождает миллионы цветов, устанавливает визуализации голограмм эйдосов в их метавербальной полноте. Плеромность Розы Мира связана и с универсумностью представленности Культуры, и с целостностью субъектно-персоналистического видения Мира, характерного для сознания и мышления Даниила Андреева.

Следует сказать, что изо-визуальная философия предстает как неотъемлемая ипостась великого метафилософского творения Д. Л. Андреева, то, что он описывает словами, имеет непрременную форму реальности и бытийности, поэтому кажущаяся левополушарность текста (словесность) неотрывна от его правополушарности (эйдосности и образности). В этом состоит действительная уникальность «Библии» Даниила Андреева (12 книг «Розы Мира» численно значимы, как значимо и количество *разноматериальных* слоев Шаданакара). Изо-вербальная и изо-буквенная живописность,

характерная для всех великих прозо-поэтических произведений, в миротворчестве Д. Андреева делает Розу Мира не просто художественно-философским, но живописно-философским произведением. Вот так *изофилософски* описывает Д. Андреев предмет своего изучения: «Розу Мира можно сравнить с опрокинутым цветком, корни которого в небе, а лепестковая чаша – здесь в человечестве, на земле. Ее стебель – откровение, чрез него текут духовные соки, питающие и укрепляющие ее лепестки, - благоухающий хорал религий. Но кроме лепестков, у нее есть сердцевина: это ее собственное учение» [с. 29]

По силе своего изофилософствования Д. Л. Андреев сродни Н. К. Рериху (речь идет и о словесных, и об образных формах философствования), а в некоторых случаях (метаэнрофных репрезентациях) и превосходит масштабностью видения и полнотой инопространственных и иновременных форм.

Архитектура книги чем-то похожа на храмовое всеединство, богатство цветности сродни фресковой живописи и иконописности. Иконостасность мира в пространстве храма порождает и особое устройство организованности Розы Мира. Так, например, описываются сакуалы ангелов: «первый из этих слоев обитаем *херувимами*..., ...облик их действительно таков, каким описывает его предание, а ландшафт их мира – среда прелестных тонов, нами не воспринимаемых, отдаленно напоминающих розовый и сиреневый. Другой слой – бело-золотистая среда, пронизанная снопами света, принадлежит *серафимам*» [с. 71]. Трудно не обратить внимание на поразительное сходство с фресками в Ферапонтовом монастыре, написанными Дионисием с сыновьями.

Когда-нибудь по книге Д. Андреева сделают фильм наподобие виртуальной фантастики фильма «Аватар». Но уже сейчас отчетливо видно, что изобразительное содержание «Розы мира» не менее значимо, нежели ее вербальное содержание, что ее автор мог бы «нарисовать» гораздо более совершенно, нежели он выразил в формах словесного дискурса.

Может быть, уже сейчас пора думать по поводу изо-дискурса «Розы мира» Д. Андреева. Попробуем осуществить некоторые проекции из тех изобразительных традиций, которые оказались востребованными XX веком – представить «Розу мира» на языке изопространства от Малевича до Кандинского, от модернизма до постмодернизма.

Изофилософия женственности

Личностное изо-художественное освоение вездечности Вселенной Д. Л. Андреева как уравнение с множеством неизвестных весьма непросто, оно рождается лишь в некоторых лакунах образности по принципу «фрактальности» или по принципу

«подобия». Существенно важно понимать русский смысл космической формы «Вселенная» - «вселенность» и «населенность» предстают главными особенностями не только вечности жизни, но и ее всюдности. Феномен везде-вечности в этом случае проявляется наиболее выпукло. Не устраняет этого смысла и то, что Д. Л. Андреев редко использует термин Вселенная, замещая его лапидарность монадной и метамонадной полнотой.

Попробуем выявить изо-семиотическую специфику нескольких проблем в «Розе Мира»: феномен женственности и симфония слойно-сферности. Трансформация вербальности в изо-образность при чтении книги рождается как кристаллизация в перенасыщенном растворе, сам текст предполагает как слово-образность, так и образословность. Особость андреевского текста проистекает из авторского - предельно синтетического - сознания, в котором правополушарное и левополушарное не просто дополняют друг друга, а как будто представляют собой семейную пару человеческой неразрывности.

Изофилософия женственности – самая древняя мыслительная форма, ее истоки видны в первобытном искусстве. Изваяния первобытных мадонн, образы богородицы, «Джоконда» Леонардо – все они указывают на формы подобия вселенной. Изоженственность в этом смысле первична по отношению к структуре вселенной, именно этот концепт (сущность) вселенной порождает ее структуру и ее элементы.

«Роза Мира», также как и «Вселенная», женского рода – это рождающие Всебытие субстанции, именно поэтому первое место в изобразительности отводится женственности. У Д. Л. Андреева как вселенского универсалиста и реалиста – это главная тема. Она решается не совсем по В. С. Соловьеву, от которого в творчестве Д. Л. Андреева идут очень многие мысле-порождающие токи. Как показывает текст «розы Мира» многозначность женственности происходит в значительной степени от блоковского ощущения философии женственности. Вообще складывается впечатление, что в некоторых своих сторонах андреевская «Роза Мира» выросла из изо-розной образности Александра Блока.

Мир «складок» женственности представлен образами «Навны» («богорожденная монада, одна из Великих Сестер, Идеальная Соборная Душа Российской метакультуры») [с. 274]; «Звенты-Свентаны» («Женственная ипостась Божества для Шаданакара», облик сверхчеловеческой и сверхмирской женственной красоты) [с. 194], «Небесной России (Святой Руси)», «Софии Премудрости Божией», «Прекрасной Дамы», «Лилит» («Всенародной Афродиты всех человечеств») [с. 98], Эстиры («госпожи растительных царств Шаданакара») [с. 98], Велги (великой хищницы, гасительницы светочей и

домашних очагов, умножительницы страданий (с.129), «разбойной красы России» [с. 201]»); и, наконец, «Фокермы» - Великой Блудницы. Особо стоит эйдос Воглеа – «имя великого демона женственной природы, виновника катастрофы, некогда постигшей человечество лунной брамфатуры» [с. 273].

Мировая портретная галерея женских образов без сомнения содержит формы близкие к каждой из перечисленных форм жено-вселенствования.

В этой периодической таблице женственности более всего проявляется органическая связь метаистории и везде-вечности, ибо «метаистория ... всегда мифологична» [с. 31]. Эта связь станет еще более утвердительной, если мы учтем, что «объекты метаисторического познания связаны с историей и культурой, трансфизического – с природой нашего слоя и других слоев Шаданакара, а вселенского – со Вселенной» [с. 36].

«Древо Мира» и «Роза Мира»: изофилософия бутонности

Флористический образ совершенства Вселенной в симфонии «Роза Мира» ставит сложные интерпретационные проблемы. На первый взгляд, культурологической формулой «везде-вечности» является Мировое Древо: именно оно хранит в своем бытии все временные формы, будучи «единым всепространственным целым». В отличие от древа, «Роза» - форма мгновенного цветения, эстетический взрыв бытия, и в этом смысле, думается, что «Роза» является противоположностью «везде-вечности». Но если взять синергийный (концептуальный) смысл, то окажется, что именно *Роза Мира суть Древо Мира* – плеромная иноматериальная субстанция Мира, «светлая материя» Вселенной.

Метаисторическая и везде-вечная синергия «Розы Мира» предстает как форма сообщающихся сосудов с поюсторонней реально-человеческой и социоприродной историей. Реальная – объектная - изо-визуализация Мира (в двух его наиболее распространенных смыслах) дискретно-континуальна как радуга, цветовая и световая полнота бытия реализуется как биосферно-ноосферная организованность реальности жизни (жизни человека во Вселенной).

Есть и вторая – субъективная – дополнительность: субъектно-виртуальная изо-визуализация мира более дискретна, это уже не фильм, состоящий из отдельных кадров, а кадры, случайно выхваченные сознанием человека.

В такой амбивалентной – универсумной – ситуации обнаруживаются и достоинства и недостатки, и простота и сложность изофилософствования как особого философского языка и особой философской формализации.

Заключение

Текст «Розы Мира» в силу специфики его потаённого создания предстает как сакральный, герметический, универсумный и принципиально анти-профанный текст, он трудно понимается и представляется. Освоение «Розы Мира» не простая миссия для современного поколения, перед которым не ставятся задачи выхода за рамки конкретной земной прагматики. Преодоление репрезентативной сложности во многом связано с попытками создать формы всеобщей визуализации вербального текста – создания изофилософии «Розы Мира» как своеобразного перевода с левополушарного на правополушарный язык.

У каждого человека, одаренного своим собственным изобразительным и художественным мышлением везде-вечность «Розы Мира» и *озвучивается* и *озреливается* по-своему: «истина одна, а путей к ней - много». Мировая культура в метафизике «Розы Мира» предстает как особая форма изофилософствования и восхождения к везде-вечности. Главный общечеловеческий и ноосферно-пневмосферный пафос «андреевского откровения», может быть, и заключается в том, что современное человечество готовится вступить в «век Колумбов духа», для которых формула жизни «здесь и сейчас» окажется лишь дополнением философии, задающей способы мировоззрения и миропостроения, жизни и воления на путях философии везде-вечности.

Список использованной литературы

Андреев Д. Л. Роза Мира. М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К°», 1992. 282 с.

Онтология устройства МИРА

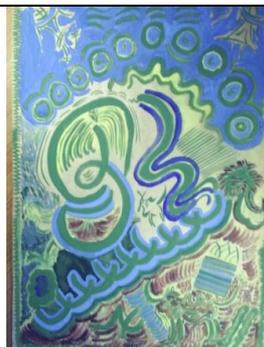
Верхние слои Шаданакара. Точка сингулярности

Точка сингулярности – это схождение смыслов, неразличимость, граница между бытием и небытием, между небытием бытия и бытием небытия. Каждый человек представляет собой точку сингулярности, ибо в определенный момент времени происходит «большой антропологический взрыв». Из одной клетки за короткий срок в процессе онтогенеза возникает 300 трлн. клеток человеческого организма. Концепт человеческого бытия прячется не в теле человека и не в биосфере Земли – он имеет вселенское измерение. (Глаза Д.Л. Андреева в портрете – земные точки сингулярности. Нетронутый краской цвет картона – так называемая «темная материя»)

Даймоны (Небожители)

«Даймоны – высшее человечество Шаданакара, обитатели сакуалы миров с четырьмя пространственными и различным числом временных координат. Даймоны проходят путь становления, схожий с нашим, но начали его раньше и совершают успешнее. С нашим человечеством они связаны разнообразными нитями» [с. 273]. Эйдосы мироздания словно облака на небе, их формы - это серебряные мысле-образы пневмосферы. Человек соединяет в себе многоцветие, в нем и черное, и коричневое, и зеленое и синее, но он всегда устремлен к белому (состоящему из всех цветов), который превращается в солнечное, обычно называемое «ЗОЛОТЫМ».

Биосферная реальность

Пространство земной жизни неотъемлемое от неживого вещества. Эволюционное взросление и восхождение оказывается вселенским законом, из коричневого прорастает зеленое, из зеленого рождается синее. (Общеизвестно, что смешение синего и желтого-золотого цветов порождает зеленый цвет). Д. Андреев фактически пользуется биосферной методологией, которая в некоторых случаях, как можно судить, отвечает современным построениям ноосферологии, хотя вполне естественно, что термины «биосфера», «ноосфера», «пневмосфера» он не использовал и не мог использовать, создавая свою собственную систему миропостроения.

Нижние слои Шаданакара.

«Черный квадрат» Малевича переполненный кракелюрами, в которых просвечивают краски «подложки» - это одна из возможных визуализаций «низа» Мира, той вселенской почвы, из которой прорастает все космическое и земное, в том числе и «Роза Мира» (Роза, за которой каждое утро ухаживал Маленький принц Антуана де Сент-Экзюпери). Прорастание из черного в коричневое – залог будущего движения от коричневого к зеленому, а от - него к синему и белому.

Плеромность бытия

	<p>Яросвет «Яросвет – богосотворительная монада, один великих демиургов человечества, народоводитель Российской метакультуры» [с. 274]. Ярый свет, идущий от силы Богоявленности (Бог-Отец), чем –то похож на Розу Мира как форму вселенской бытийности, но «розо-лотосность» в этом случае формо-подобие. Герметическое мифологическое и философское мышление, пользующееся принципом подобия («что вверху, то и внизу, что внизу, ито и вверху»), порой заходит в тупик, но всегда выходит из него самым парадоксальным образом. Синергичность и плеромность избытия связано с субъектностью постижения акафисто-иконических форм миропредставления.</p>
	<p>Мировая Сальватерра «Мировая Сальватерра – условное обозначение вершины и сердца Шаданакара» [с. 274]. «Мировая сальватерра» может быть переведена на современный язык понятием Ноосфера, применительно к творчеству В.И.Вернадского, и точкой Омега в понимании П.Тейяра де Шардена. Глаза с высоты гор видят все, что происходит в живом Космосе, а бьющееся сердце Шаданакара мгновенно и симультанно связано со всеми точками бытия инобытия и небытия, со всеми материальными, иноматериальными и духовными сущностями.</p>
	<p>Гагтунгр «Гагтунгр – имя планетарного демона нашей брамфатуры. Он обладает тремя лицами, как и некоторые другие из крупнейших иерархий. Первая ипостась Гагтунгра – Великий Мучитель <i>Гистург</i>, вторая – Великая Блудница <i>Фокерма</i>, третья – великий осуществитель демонического плана <i>Урпарп</i>, называемый иногда принципом формы» [с. 273]. «Лошадность» Гагтунгра проистекает не только из имени, но и из троичной шахматности движения «конем» по лабиринтам истории. Эта «лошадность», на самом деле, и «лосевость», и «быковость», и «нотость»».</p>
	<p>Тетраэдры Шаданакара «Шаданакар – собственное имя брамфатуры нашей планеты. Состоит из огромного числа (более 240) разноматериальных слоев, инопространственных и иновременных» [с. 274]. Самоорганизация Мира в кристаллических формах – начало жизни Вселенной. Вселенная не воспринимается нами как кристалл, но современные ученые иногда говорят о ней как о огромной кристаллической структуре. (Египетские пирамиды – могут рассматриваться как верхние части тетраэдров Вселенной). Противоречие в рисунке говорит о том, что мы видим одновременно все четыре верхние и четыре нижние стороны тетраэдра, но есть еще и другие, которые мы не видим</p>

Формулы метаистории России

	<p>Синклит России «Синклиты – обитающие в затомисах метакультур сонмы просветленных человеческих душ» [с. 274] В явленной форме представление о синклите России можно видеть картине И.Глазунова «Вечная Россия», но синклит это вечно невидимая сущность, поэтому его нусо-эйдосная природа предполагает форму предельной беспредметности. В этом рисунке знаки предметности говорят о возможности дальнейшего творения образа.</p>
	<p>Эгрегоры Эгрегоры – иноматериальные образования, возникающие из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами: племенами, государствами, некоторыми партиями и религиозными обществами. Они лишены монад, но обладают временно сконцентрированным волевым зарядом и эквивалентом сознательности [с. 274]. Перед нами небесная рука человечества, идущего к состоянию Розы Мира.</p>
	<p>Жругр (XX век) «Жругр – российский уицраор». «Уицраоры – могущественные, разумные и крайне хищные существа, обитающие в слоях, смежных с шрастрами. С точки зрения человека, это – демоны великодержавной государственности. Их очень немного. В метаистории уицраоры играют огромную роль, противоречивую и двойственную» [с. 274]. Образ Жругра хорошо известен каждому человеку, прожившему хотя бы несколько десятилетий в Великой Империи.</p>
	<p>Вожди в Шаданакаре В русской истории вожди и цари играют чрезвычайную роль. Их спонтанное появление убедительно свидетельствует о присутствии метаистории. Вожди XX века – больше, чем цари. Вожди – это аттракторы метаистории, но их посмертная судьба похожа на сбежавшую под землю воду, оставшуюся после великого потопа.</p>

Лики метаисторической женственности

	<p>«Навна» «Навна - богорожденная монада, одна из Великих Сестер, Идеальная Соборная Душа Российской метакультуры) [с. 274]. Полнота присутствия этого образа непосредственно связана с ликом Богородицы и Богородническим Покровом. В книге Д. Андреева христианская составляющая сквозит настолько часто, насколько он не хочет преуменьшить роль других мировых религий в истории человечества. Однако Навна, думается самый прочувствованный образ в мифо-эпосе «Роза Мира».</p>
	<p>«Лилит» (Мама XX века) «Лилит – великая стихияль человечества, некогда супруга первоангела, затем ваятельница физической плоти человеческого рода и некоторых других существ. Её собственное существо демонизировано Гагтунгром задолго до появления в Энрофе ныне существующего человечества» [с. 274] «Лилит – «Всенародная Афродита всех человечеств» [с. 98]. Думается, что образ Лилит отражен в Джоконде Леонардо (хотя сам Д. Андреев не говорит об этом). Представленный здесь образ – образ матери Жругра XX века.</p>
	<p>«Велга» Велга – «великая хищница, гасительница светочей и домашних очагов, умножительница страданий» (с.129), «разбойная краса России»)). Нет более значимой персоны для истории и метаистории России, не случайно, это одна из ипостасей Гагтунгра. Не случайно созвучие «Велги» и «Волги»: река Волга явно обладает характером, о котором прекрасно знают историки и который вписан в самые главные исторические эпохи не только России, но и в зоны всемирной истории.</p>
	<p>«Фокерма» Фокерма - «Великая Блудница». Этому образу Д. Андреев уделил, может быть, меньше всего внимания, хотя в истории этот персонаж оказывается очень деятельным и неперменным. В каждую историческую эпоху трансформер Фокермы порождает свои особенные изоформы. В конце XX века в России создались условия для полноты реализации самых сложных ее проявлений.</p>

Примечание: рисунки автора.